

Чан Ань смотрел на неподвижную Чэнь Таотао. Он видел, как отсветы фейерверков окрашивают её лицо в причудливые яркие цвета, видел, как она почти заворуженно смотрит в небо, и осознал, что она позвала его сюда лишь для того, чтобы вместе разделить этот праздник.

Не в силах сдержаться, он тихо прошептал:

— Я согласен.

Чэнь Таотао видела, как шевельнулись его губы, но не расслышала слов. Она громко переспросила:

— Что ты сказал? Я не расслышала.

Чан Ань посмотрел на неё, покачал головой и улыбнулся. Затем он снова поднял взгляд к ночному небу, и Чэнь Таотао не стала больше допытываться. Так они и стояли вдвоём: ни слова, ни звука, молча созерцая небеса посреди шумного города.

Когда торжество подошло к концу, Чэнь Таотао попрощалась с Чан Анем. Видя, что он потерял память и не знает обычаев встречи Нового года, она терпеливо объяснила:

— Сегодня канун Нового года. Мы обычно не спим всю ночь, чтобы помолиться о благополучии близких и попросить у небес мира и счастья на грядущий год. Не ложись слишком рано.

Сказав это, она попрощалась и в темноте направилась обратно.

— Постой.

Услышав, что Чан Ань окликнул её, Чэнь Таотао с сомнением обернулась.

— Я знаю здесь дорогу, давай провожу тебя до ворот.

Чэнь Таотао не поверила своим ушам. Мало того, что сегодня он заговорил с ней, так ещё и решил проводить домой? Прогресс шёл слишком быстро.

— Не нужно, я пришла сама, так же и вернусь, — она вежливо отказалась. Несмотря на искреннюю благодарность, она не могла позволить себе появиться с ним у всех на виду. Бережёного бог бережёт — если кто-то узнает, что Чан Ань цел и невредим, да ещё и находится в её компании, последствия могут быть непредсказуемыми.

Чан Ань молча смотрел вслед её удаляющейся фигуре. Вернувшись в свою тёмную, но уютную каморку, он закрыл дверь и тихо лёг на кровать. Слова, сказанные ею на прощание, не давали ему уснуть всю ночь.

Чэнь Таотао же не могла позволить себе роскошь бодрствовать до рассвета — завтра предстоял новогодний банкет. Нужно было выспаться и набраться сил для предстоящего испытания.

Однако прошло всего два-три часа, как её разбудила Минъюэ. Начались сборы, бесконечные примерки и реверансы перед зеркалом.

Комната была забита служанками из Двора Нинси; десяток девушек суетились, готовя всё необходимое к празднику. Минъюэ то и дело повторяла младшим служанкам:

— Сегодняшний банкет — это не просто семейный ужин нашего поместья герцога Чэнь. Придут все знатные семьи Шэнцзина, будут даже принцы из императорского дворца. Будьте осторожны, если хоть что-то пойдёт не так, не сдобровать вам!

Затем она обернулась к своей госпоже:

— Вы вчера поздно легли, есть ли у вас силы?

Чэнь Таотао, глядя на хлопчущую Минъюэ, на мгновение замерла. Вероятно, в прошлые годы та точно так же прислуживала своей настоящей хозяйке.

— Всё в порядке, продолжай.

Наконец, приготовления были завершены, и Чэнь Таотао в сопровождении Минъюэ и нескольких служанок второго ранга покинула Двор Нинси.

Банкет проходил в Павильоне Циу на берегу озера Лишуй. Двор Нинси находился на западе, а павильон — на востоке. Чтобы не опоздать, для неё приготовили экипаж.

Минъюэ бережно помогла ей подняться в карету. Крыша была украшена золотом, а внутри, стоило войти, повеяло тонким ароматом благовоний. Карета была просторной, в ней могли бы уместиться ещё несколько человек. Такая роскошь для второстепенной дочери ясно показывала, какое значение герцогство придавало сегодняшнему празднику.

Впрочем, это было неудивительно. Хотя Чэнь Хуань и славился своей доблестью, он годами охранял границы и почти не поддерживал связей со столичной знатью. Теперь, когда представился такой случай, он просто не мог упустить возможность наладить отношения с сильными мира сего.

Однако, прибыв на место, Чэнь Таотао обнаружила, что знать действительно оказала герцогу Чэнь великую честь — дороги к Павильону Циу были наглухо забиты каретами.

Делать было нечего, пришлось выйти из экипажа и идти пешком. В тяжёлом парадном платье она передвигалась медленно, чувствуя себя неуютно под взглядами прохожих — она до смерти боялась, что кто-нибудь узнает её и заговорит.

— Таотао! — раздался за спиной незнакомый голос.

Чэнь Таотао подумала, что страхи имеют свойство сбываться, и, набравшись храбрости, обернулась.

К ней приближалась девушка примерно её возраста. Она шла, прикрываясь веером так, что видны были лишь её смеющиеся глаза.

Зачем веер зимой? Неужели только ради того, чтобы прятать лицо?

— Ты пришла? — Чэнь Таотао решила взять инициативу на себя, чтобы не выдать своего замешательства.

— Пф, что ты такое говоришь? Раз уж ваш дом устраивает банкет, как я могла не прийти?

От этого слащавого голоса у Чэнь Таотао по спине пробежали мурашки, но она лишь улыбнулась в ответ.

— Твой веер... я такой раньше не видела, — она действительно была заинтригована.

— Пф, конечно, не видела!

Чэнь Таотао облегчённо выдохнула — веер к ней отношения не имел. Девушка продолжала:

— Этот веер — подарок второго принца на мой день рождения. Разве можно показывать его кому попало? Я взяла его сегодня, чтобы он знал, как сильно я дорожу его подарком.

Упоминание второго принца сразу подсказало ей, кто перед ней. Чэнь Таотао, Ся Цинъюнь и дочь министра Сун — Сун Цинцян — с детства были неразлучны. Но если Ся Цинъюнь была заносчивой и высокомерной, то Сун Цинцян лишь грезил о втором принце Бай Цинъюне.

Ради него она имитировала женственность, которую он ценил, и даже угрожала покончить с собой, чтобы выйти за него замуж. И хотя она добилась своего, став его законной женой, любви принца так и не снискала. Когда И Чанъань захватил Шэнцзин, Бай Цинъюнь, не вынеся позора, покончил с собой, и Сун Цинцян последовала за ним. Чэнь Таотао невольно вздохнула: в книге судьба этой девушки была лишь фоновым эпизодом, упомянутым вскользь. Она и представить не могла, что встретит её живой.

Теперь её зимний веер казался вполне логичным: ради второго принца эта барышня была готова на всё.

— Сегодня пришёл третий принц. Второй принц приболел, его не будет, — Чэнь Таотао, видя её ожидание, решила сказать правду.

— Заболел? Что с ним? Я должна его навестить! — Сун Цинцян в панике засобиралась уходить.

Чэнь Таотао удержала её. Она знала, что никакой болезни нет — принц просто отправился любоваться сливовыми цветами со своей возлюбленной, а на банкет отправил брата.

— Посмотри, ты приехала с родителями, не можешь же ты уйти, даже не войдя. Ему не станет лучше от того, что ты прибежишь прямо сейчас. Навестишь его в другой день, — мягко посоветовала она.

Сун Цинцян успокоилась и пошла рядом. Взглянув на Чэнь Таотао, она внезапно спросила:

— Кстати, Таотао, твоя младшая сестра в последнее время не обижает тебя?

Чэнь Таотао замерла. Она вспомнила, что настоящая Таотао всегда изображала жертву, которую притесняет старшая сестра, а Хаохао никогда не оправдывалась перед знатью. В итоге все в Шэнцзине считали Хаохао злой и завистливой особой, что сильно осложнило ей жизнь после замужества за принцем.

— Всё, что было раньше — лишь недоразумение. Мы с Хаохао родные сёстры, как она может меня обижать? — заступилась Чэнь Таотао.

Сун Цинцян, видя её искренность, лишь покачала головой:

— Ты слишком добрая. Смотри, не давай себя в обиду.